

Алла Баянова - одна из самых легендарных певиц нашего столетия. Зрительскую любовь у слушателей во многих странах мира она снискала, исполняя душевные русские песни. Недаром во всем мире ее называют "царицей русского романса". А вот жизнь у "царицы" была совсем не царской. Алла Николаевна долгие годы была опальной певицей в Румынии, не один год провела в концлагере. Но, несмотря на то, она осталась человеком жизнелюбивым и очень обаятельным. Более полувека прожив за границей, она наконец вернулась на родину. Вот уже 8 лет Баянова живет в России. В ее уютной двухкомнатной квартире на Арбате и состоялась наша встреча.

- Но уехали вы из Румынии все же не из-за привидений, да?

- Отец не пожелал жить с "румышками", как он называл их. Ему румынский двор казался опереткой. Эти румынские офицеры, которые почему-то были всегда напудрены и намазаны, очень беспокоили отца. Наша семья переехала во Францию. В Париже я тоже начала работать. Тогда было принято, чтобы дети помогали родителям зарабатывать на жизнь. Я выступала с несколькими номерами в парижских ресторанах.

- И здесь вы познакомились с Вертинским?

- Да. Мне тогда было 13 лет. В одном баре у меня был цыганский номер. Вообще цыганская песня - это моя стихия. Ведь я выросла среди цыган. Как сейчас помню, в тот вечер я пела таборную песню "Буря". И вот в бар входит высокий господин в темно-синем фра-

это было заведение, где выступали высококлассные артисты. Он и ресторан Петьки Лещенко называл кабаком. А ведь у Лещенко выступали самые знаменитые артисты и бывала самая изысканная публика. Приезжали армяне. Они люди предприимчивые. Пооткрывали во Франции заводы, фабрики. Очень разбогатели. Но все было честно. Никого они не обманывали. Так вот кутить они приезжали в ресторан к Лещенко. Кутили знатно, по-русски. Правда, без голых задниц, как сейчас. Но и бокалы били, и шампанское текло рекой. Если в это время в зале были иностранцы, они сидели с открытыми ртами.

- Вы упомянули имя еще одного легендарного певца - Петра Лещенко. Вы были знакомы и с ним?

- Ничего себе знакома! Мы познакомились, когда он даже не выступал с романсами, а только танцевал. Это уже потом он начал сольную карьеру, правда, позанимст-

АЛЛА БАЯНОВА:

- Алла Николаевна, вам довелось жить и в Румынии, и во Франции, и в Германии. Наверное, вернуться в Россию уже и не думали?

- Как раз только об этом и были мои мысли. Дома у нас всегда велись разговоры о том, что скоро поедим на родину. Я всегда ждала момента, когда вернусь домой. Правда, ждать пришлось очень и очень долго.

- А как получилось, что ваша семья оказалась в эмиграции?

- Наша семья жила в Бессарабии. Когда она перешла к Советам, многие зажиточные семьи не захотели жить в Советском Союзе и переехали в глубь страны. Вот и наша семья переехала в Бухарест. Надо сказать, что румыны приняли нас очень ласково и тепло. Дали возможность работать. А с жильем тогда проблем вообще не было. Мы сняли очень хорошую квартиру в центре города. Правда, жили мы в ней не одни. Так получилось, что главными хозяевами нашего жилья были привидения.

- Вы серьезно?

- Совершенно серьезно. Первой их заметила я. Однажды, когда дома никого не осталось, я сидела около маминого трюмо и накладывала грим. Вдруг слышу, как в соседней комнате кто-то протопал к выключателю и выключил свет. И в этот момент я вижу, как ошетинились наши собаки, как вытянулись их морды в сторону гостиной и как они на животе стали уползать под роди-

тельскую кровать. Я чуть в обморок от страха не упала. Не помню, как выбралась из дома и побежала все рассказать маме. Когда мы с ней вернулись домой, то увидели странную картину. На улице в кресле сидел отец и читал газету. Когда мама спросила его, почему он не спит, папа усмехнулся: "А разве с "ними" можно спать?" Отец рассказал, что когда он вернулся домой и прилег, то услышал какие-то шорохи, тяжелые вздохи. Потом вдруг увидел, как тяжелый ковер, который закрывал дверь на соседскую половину, как бы сдвинулся в сторону и оттуда вышла фигура. Причем вышла и спокойно вошла в другую стену. И в это время раздавались какие-то ужасно неприятные звуки. Естественно, отец не выдержал и вышел из дома. Когда на следующий день мы стали говорить об этом с хозяевами, они совершенно спокойно сказали, что на "это" жаловались и другие жильцы. И что именно из-за привидений такая низкая цена на квартиру. После этого мы немедленно съехали с той квартиры.

"На жизнь приходилось зарабатывать
"левыми" концертами..."

ке с папиромой в руке. Когда я его увидела, у меня даже дыхание как-то остановилось. Кое-как допела песню, а все время смотрю на него. И вот он подошел ко мне и говорит: "Ты кто же такая?" Я сказала, что меня зовут Алла. Вертинский удивился: "Алла? Какое странное имя - Алла..." Тогда и вправду было очень мало Алл. "Знаешь, ты кто?" - говорит Вертинский, - ты славянка с персидскими глазами". Как давно это было... Сейчас-то я понимаю, что он подарил мне тогда самый изысканный комплимент. А тогда... Тогда мне было абсолютно все равно, какие у меня глаза. Мне хотелось лишь с куклами играть и танцевать. А Вертинский посмотрел на меня и сказал: "Знаешь, я заберу тебя отсюда. Здесь тебе не место. Будешь работать вместе со мной в Большом Московском Эрмитаже". А потом: "Давай потанцуем. Ты танцуй?"

- Вы любите танцевать?

- Боже ж мой! Я обожала танцевать. Я могла танцевать с утра до вечера. Я приходила домой с опухшими ногами, потому что туфельки я себе покупала на полноты. Мама ахала, ведь атласные туфельки не растягивались. Но мне так хотелось, чтобы ножка была поменьше! Это же так красиво. Так вот, во время нашего танца Вертинский и уговорил меня выступать вместе с ним. А через какое-то время мы действительно получили контракт на мое выступление в Большом Московском Эрмитаже.

- И каким был Вертинский? Ведь вы видели его и во время выступлений, и просто в жизни?

- Вертинский нас забавлял своими рассказами, импровизировал, изображал няню в Париже, обвязав голову салфеткой на манер дерзвенского платка. А однажды, когда мы сидели за ресторанным столиком, он вдруг предложил пари на полдюжины бутылок шампанского. Вертинский сказал: "Видите, какое настроение в зале - все возбуждены, разгорячены. А вот я сейчас спою для них на русском языке и всех усыплю, а потом я же их разбужу". Мы, конечно, согласились. Он вышел к публике, обвел всех взглядом. Все притихли. И вот Вертинский запел "В синем и далеком океане". Все сидели, затаив дыхание. Когда он произносил фразу "тихо опускаются на дно", он обе руки до плеч поднимал и так же медленно их опускал. А руки у него были необыкновенные - поющие руки. Длинные, длинные пальцы, белые руки. В общем, пари мы проиграли. Я Вертинского очень любила, да и он ко мне относился по-доброму. В моей примерной он прятался от своих поклонниц. Он закрывался моими концертными платьями и говорил: "Аделаида, спрячь меня от этих акул. Они меня сожрут". К сожалению, в России его песни одно время были запрещены. Говорили, что большая часть самоубийств происходила после того, как люди слушали его песни. Хотя у него действительно были и упаднические песни.

- Сегодня очень любят ссылаться на Вертинского, объясняя свои выступления в ночных клубах и ресторанах. Мол, сам Вертинский говорил, что лучшая школа для артиста - это школа кабака. Как вы к этому относитесь?

- Я вот что скажу. Те кабаки, которые имел в виду Вертинский, очень отличаются от того, что имеют в виду сегодняшние музыканты. Тогда это были высококачественные рестораны. Там обязательно был рефлексор, эстрада. Кстати, мне было очень странно узнать, что у вас Театр миниатюр и варьете называют эстрадой. При чем же тут эстрада? Эстрада - это небольшой подиум, на котором расположен оркестр. Работая в таких кабаках, мы действительно прошли через хороший фильтр. Когда на эстраду выходил артист, то официант не смел подавать никакого блюда. Никто не имел права войти или выйти из зала. Если в это время подъезжали гости, им говорили: "Извините, пожалуйста. Сейчас идет номер. Когда закончится, мы вас проведем". А сегодня все по-другому. Ты поешь, а прямо у тебя перед носом несут шашлыки. Что же это такое? Для Вертинского кабак -

вовав все песни из моего репертуара. Я даже обиделась на него на какое-то время. А потом мы стали очень близкими друзьями. Он даже был моим посаженным отцом на свадьбе... А ты говоришь "были знакомы". Кстати, Петя Лещенко был прекрасным примером хорошего администратора. На одной из главных улиц Бухареста он открыл бар "Лещенко". Это был один из лучших баров города. Лещенко имел большие доходы. Под Бухарестом у него была шикарная вила, и мы очень любили на ней все вместе собираться. Во время войны Лещенко уехал в Одессу. Кстати, меня он тоже тогда звал в Одессу, но я не поехала: один раз в жизни была умная, и папа не пустил. В Одессе Лещенко тоже открыл ресторан "Лещенко", который был популярен у немцев. Я не знаю, что там было в Одессе, но из нее Петя приехал совсем другим человеком. Умер он в 1945 г. в тюрьме.

- Алла Николаевна, вам есть что вспомнить. А вот какие воспоминания для вас самые приятные?

- Надо подумать... Таких воспоминаний очень мало. Жизнь моя была очень тяжелой. Во многом в этом виновата политика. То я была "белой", то "красной". Прямо перед войной меня посадили в лагерь. Румыны считали меня советской шпионкой. А я ею никогда не была. Хотя Россию любила всегда. Папа говорил мне: "Никогда не думай о строе, о политическом режиме. Это русские люди. Это Россия. Жаль будет, если ты умрешь, не спев для русских".

- Отчего же вы всю жизнь прожили в Румынии и пели румынские песни?

- Это зависело не от меня. Меня не выпускали из Румынии и не пускали в Советский Союз. По иронии судьбы я прожила в стране, где по воле диктатора на дух не выносили ничего русского. Мне было странно видеть, как Чаушеску целовался с Брежневым. Ведь они ненавидели друг друга. Передо мной закрывали все двери, не давали работать. А у меня на руках были больные родители.

- Как же вы жили?

- Благодаря "левым" концертам. Вместо того чтобы регистрировать свои выступления в Арии (это румынский аналог вашего Госконцерта), я прямиком ехала на место и пела. Приходилось переносить много тягот. Не было воды. Ее включали, когда мы шли на концерт, и отключали, когда мы возвращались. Однажды мы с подругой не выдержали и отправились искать воду. Хотелось хоть в лужу какую-нибудь окунуться, чтобы почувствовать воду. И вдруг перед собой мы видим озеро. Мы буквально полетели к нему и с головой бросились в воду. И сразу же почувствовали сильный ожог. Когда мы выбежали из этого озера, то на всем теле обнаружили множество пиявок. Понимаешь, что это было? Полный ужас! Я вообще боюсь всех этих ползучих, а тут все это прямо висело на мне. Никогда не забуду. Вот так мы и жили. Или замерзали, или задыхались от зноя. Но! Меня очень любила румынская публика. На телевидение пошла заявка, что народ хочет Аллу Баянову. И тогда Чаушеску скрипя зубами позволил мне появляться на экранах один раз в месяц. Но с одним условием - все песни должны быть на румынском языке. Но, несмотря на то, мне всегда помогали слова отца: "Помни, дочь! Ты имеешь то, что не имеют другие. И за это тебя всегда будут любить". Так оно и есть.

Игорь Изгаршев